

«Танки идут ромбом», «Козыри монаха Григория», «Межа», «Версты любви» — эти и другие произведения Анатолия Ананьева пользуются давним и заслуженным признанием читателей. Сейчас писатель работает над новым романом — «Годы без войны». Уже вышла из печати первая книга романа, закончена вторая (она будет опубликована в начале будущего года журналом «Новый мир»), а в перспективе — третья книга. События, отраженные в романе, приближаются вплотную к дням сегодняшним...

— Анатолий Андреевич, название «Годы без войны» прямо говорит о том, что действие романа разворачивается в послевоенное время. Но если представить эти годы мирного созидательного труда в виде годовых колец дерева, то в сердцевине сегодняшней жизни ваших героев все-таки останется память войны...

— Собственно, одну из своих творческих задач я и вижу в том, чтобы показать, как заживают раны, нанесенные войной нашей земле и нашему народу. Процесс заживления долгий и болезненный. Война — потрясение, из которого люди психологически выходят не одно десятилетие. Я встречаюсь со своими однополчанами, и мы не можем не говорить о войне. Она жива в нас как часть нас самих.

Конечно, в моем романе действуют не только бывшие фронтовики, рядом с ними — и люди более старшего поколения, и совсем молодые. Однако эхо войны прокатывается над нами и сегодня. Один из центральных персонажей романа — художник Митя — рос сиротой, война отняла у него родителей. Как почти в каждой русской семье, многочисленными войнами выбивалась в роду Мити вся мужская половина. Прадед — в японскую, дед — в первую мировую, отец — в Отечественную. Эта незаживающая боль войны целых поколений живет в его душе.

Я и сам испытывал это. Ну как можно забыть: нас, курсантов артиллерии, перед отправкой на фронт построили на плацу и зачитали приказ о присвоении званий младших лейтенантов. Мне еще восемнадцати не было, я прибавил года, чтобы попасть на фронт. Что я чувствовал тогда в том строю? Невозможно сказать об этом в одной фразе. Это чувство я пытаюсь передать всеми своими книгами. Тогда, в ту минуту, хотелось только одного: поскорее в бой. Ведь вот надел погони — и другой человек. Солдат.

Нас отправили на Курскую дугу. В огонь, в дым. В Ельце, когда мы подъезжали к фронту, я увидел немецкие окопы — последний гитлеровский рубеж, где враг был остановлен. А затем мне было суждено пройти через всю войну до другого ее крайнего рубежа — до последних немецких окопов под австрийским городом Пургшталь. Сколько времени прошло, а я помню все, будто это было вчера. И атаки, и оборону, и смерть товарищей, и нашу фронтовую дружбу. В Озарицах, когда меня раненого увозили с батареи, я плакал. Не хотелось расставаться с боевыми друзьями.

— Но тогда вы еще не думали, что напишете об этом?

— Я вообще не думал, что стану писателем. Вернулся с войны израненный, с контузией, работал в деревне, потом на заводе в Казахстане, закончил вечернюю школу.

Писать начал, можно сказать, случайно. В стенной заводской газете помещал свои шуточные стихи. Редактором этой газеты был начальник планового отдела Мирошниченко, человек с высшим филологическим образованием. Он отнесся к моему сочинительству серьезно, попросил дать почитать что-нибудь еще. Я дал стихи, которые, впрочем, писал для себя. Он отправил эти стихи в журнал «Советский Казахстан» (тогда он так назывался), и два из них были опубликованы. Мне сказали, чтобы я пи-

сал еще. Но когда я стал серьезно думать о том, что писать и как писать, я почувствовал, что не имею ни малейшего представления о художественном творчестве. Тогда (а я уже заканчивал заочно сельхозинститут) решил поступить в университет на филологический факультет. На сочинении выбрал свободную тему и написал о бое с фашистами, в котором участвовал. Написал, вероятно, сумбурно, как запомнилось. Но экзаменаторы были ко мне добры. Они сказали: если исправить грамматические ошибки, получится рассказ. А уж став студентом, я писал и стихи, и рассказы. Сочинил пьесу.

— Писали о войне?

— Нет, военной темы почти не касался. Притрагиваясь к войне было мучительно, как к ране. Но она постоянно напоминала о себе. Бывало, пойдешь на каток, хочешь же, как все... А не могу, нога не

кой постановкой вопроса. В самых первых моих «Верненских рассказах» можно встретить и длинную, и короткую фразу. Я никогда не задумывался над тем, какую фразу выбирать. Они приходили сами собой. Я стремился лишь к одному — точно выразить мысль. И при этом хотел, чтобы так же точно были переданы душевное состояние героя, атмосфера, в которой происходит действие. Не так давно одна газета попросила меня написать небольшую очерк о командировке. Я отказался. Удивились: ну что тебе стоит? Возьми да напиши: «Мы ехали туда-то, за окном было го-то и то-то». Но я так и не дал согласия. А потом, уже во время поездки, вдруг понял, что должен написать об увиденном. И написал. Но начинался очерк, разумеется совсем не так, как мне советовали. В первой же фразе я сказал и о том, что меня просили написать, а я не хотел, и объяснил, почему не хотел. Рассказал о том, как началось путешествие, и о том, что именно заставило меня переменить первоначальное решение. В одну фразу мне хотелось вместить и предысторию очерка, и необходимую информацию о поездке, и свои мысли, чувства,

дин тогда сказал, что самый главный бич литературы — это приблизительность. Мы приблизительно представляем себе, что может или могло быть. И самое страшное, когда приблизительность переносится на историю.

— Мне кажется, в ваших рассуждениях есть противоречие. С одной стороны, вы подчеркиваете необходимость детального воспроизведения подробностей быта, с другой — утверждаете, что лучшая книга для вас — биография чувств, а события по отношению к ним второстепенны.

— Тут нет противоречия. Точное воспроизведение обстановки позволяет точно воспроизвести чувства. Более того, точность деталей только подтверждает реальность и силу переживаемых героем чувств, непридуманность их. Несколько лет назад я побывал в Спасском-Лутовинове. Там есть плотина, я ее знал по описанию Тургенева, помнил: справа Иван Сергеевич изобразил пшеничное поле, слева — рошу... Я встал на эту плотину — и что же?.. Справа, как и тогда, пшеничное поле. Слева... И слева действительно роша. Все, как он написал. И я подумал: неужели у Тургенева не хватило бы воображения создать вымышленный пейзаж, расставить сюда березы, здесь сделать взгорье, тут деревню посадить, тут — церковь? Но нет, он писал с натуры. А почему? Да потому, что те чувства, которые мы испытываем, читая его описания, сам он мог испытать, лишь глядя на эти до боли родные, милые его сердцу места. Вот в чем загадка. В подлинности, неподдельности чувств, которые и нам передаются.

Нетрудно придумать ситуацию и перенести ее на бумагу. Но мне кажется, то, что я увижу в жизни, гораздо сильнее. Я убежден: жизнь гораздо богаче и неожиданней любой фантазии.

Мне как писателю человек интересен не в момент, когда он в действии. Действие — это только внешняя сторона. Представьте себе: солдат поднялся в атаку. Град пуль, разрывы снарядов. И мысли, и чувства сжаты в кулак. Все подчинено одному: выжить, выполнить. А уж когда выполнено, когда напряжение спало, вот тогда человек стал самим собой. Он подвиг совершил потому, что был всем ходом жизни к нему подготовлен, но осознание того, что сделано, приходит позже. Вот этот момент мне и интересен.

— Анатолий Андреевич, военная проза ищет новые формы, выступает в неожиданных порой жанрах. Как вы смотрите на такое расширение жанровых границ этой области литературы?

— Безусловно, можно и нужно писать в самых разных жанрах. Сколько юмора вложено в Теркина Александром Твардовским! Но разве это мешает серьезному восприятию войны? Нет. Не только горькие страницы должны быть посвящены этим долгим годам... Было всякое. Но всегда будет жить вечно молодое чувство Победы. Как бы ни был трагичен сорок первый год, но был ведь и год сорок пятый. Что бы мы ни писали, важна героическая суть подвига нашего народа. Писать надо, не забывая этой сути.

Беседу вел А. ЯХОНТОВ

Анатолий АНАНЬЕВ

ВОЙНА

БЕСЕДА
ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

ЖИВА ВО МНЕ

сгибается. Правда, думал о военной книге, начал повесть «Малый заслон». Однако мне казалось: так, как я пишу о войне, — этого мало. Я чувствовал, что мне не хватает мастерства. Ведь это великий подвиг, и подвиг этот требовал и масштабного полотна, и масштабного взгляда. А у меня получалось локально, то есть то, что я сам видел. Только написав несколько повестей о мирной жизни, я снова вернулся к святой для меня теме войны и начал роман «Танки идут ромбом». Конечно, пришлось посидеть в военном архиве, основательно изучить весь ход операции «Цитадель» на Курской дуге. Мне хотелось увидеть войну не только с передовых позиций, на которых я находился, а и с командного пункта армии, фронта — тем более, что на Курской дуге происходило ключевое сражение. Я не искал особых литературных приемов, которые позднее обнаружили критики в моем романе. Совершенно естественно, сами собою сложились эпизоды, в которых я говорил (разумеется, от имени героя): «Он не знал, что в штабе в это время происходит то-то и то-то». Или так: «То, чего он не знал тогда, он узнал позже».

— Ранние ваши вещи написаны иоротной привычной фразой, а в романе «Танки идут ромбом» и последующих произведениях появились большие периоды, фраза стала разветвленной, длинной. Как вы пришли к такой форме?

— Не могу согласиться с те-

настроение... Естественно, фраза эта получилась длинной. Но самоцели в этом нет. Содержание само выбрало форму, продиктовало ее.

— О войне сейчас пишут и молодые авторы, те, кто не был на фронте. Не выйдут ли порой их произведения — с точки зрения участника событий — надуманными, искусственными?

— На этот вопрос можно ответить примером из классики. Лев Толстой не был на Бородинском поле, а написал эту битву, и написал превосходно. Но при этом надо учитывать, что война, которую видел Толстой в Севастополе, и война 1812 года мало чем отличались. То же вооружение, та же, следовательно, стратегия боя. Я считаю, каждая хорошая книга — прежде всего биография чувств, а уж потом перечень событий. Конечно, жанр жанру рознь. Но есть закономерность в том, что лучшие книги о минувшей войне создали все-таки непосредственные ее участники.

Я лично боюсь приблизительности. Константин Александрович Федин однажды рассказал мне: в раннем своем романе он описывал деревню зимой. Такая сценка: на реке, покрытой льдом, мужик пробивает прорубь ломом. Роман вышел, и Федин получил письмо от читателя, который сообщал, что прорубь пробивают не ломом, а пешней. Пешня, как известно, несколько отличается от лома, она на конце имеет форму лопаточки. И вот Фе-